Бабюк Максим Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и экономики СМИ, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: mbabyuk@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ПРОПАГАНДЫ СОВЕТСКИМ ЧЕЛОВЕКОМ В УСЛОВИЯХ ПОЗДНЕГО СССР: ОПЫТ ЧАСТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

На основе анализа более чем сотни интервью в статье проводится пилотное исследование политически значимых аспектов информационного потребления в СССР эпохи застоя, а также особенностей восприятия советским человеком политических идей, транслируемых советскими средствами массовой информации и пропаганды (СМИП). Большинство опрошенных были активными потребителями информации, однако критично воспринимали многие идеологические штампы, которые воспроизводились СМИП. Это было связано с кризисом идеологии, доступностью альтернативных источников информации, а также с тем, что идеологические постулаты все чаще расходились с реальностью, в которой жили интервьюируемые. Тем не менее в массе своей опрошенные в эпоху застоя были еще лояльны к советским идеям и ценностям. Однако с распадом СССР идеи эти постепенно утратили значимость и способность к мобилизации общества.

Ключевые слова: *СССР, СМИ, журналистика, пропаганда, застой.*

Maksim I. Babyuk, PhD in Philosophy, Associate Professor at the Chair of Media Theory and Economics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: mbabyuk@yandex.ru

TOWARDS THE SOVIET CITIZEN'S PERCEPTION OF PROPAGANDA IN THE LATE USSR: THE EXPERIENCE OF A PRIVATE STUDY

Based on the processing and analysis of more than one hundred interviews, the paper attempts to conduct a pilot study into individual politically significant aspects of information consumption in the USSR in the era of stagnation and accordingly of the Soviet citizen's perception of some key political ideas conveyed by mass communication and propaganda media (MCPM). The analysis of the interviews shows that most of the questioned were active consumers of information offered by Soviet MCPM; however, they critically perceived many ideological clichés used there. This was accounted for by the fact that most of the interviewed were disillusioned with some basic ideas and had access to alternative information sources as well as witnessed the disparity between ideological postulates and reality. And yet, those interviewed in the era of stagnation were, for the most part, loyal enough to the basic ideas and values conveyed by Soviet MCPM. However, taking

into account the forthcoming collapse of the USSR, it might be assumed that these ideas gradually lost their significance and were unable to mobilize society in the long-term.

Key words: *USSR, mass media, journalism, propaganda, stagnation.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.2253

К постановке проблемы

Советская система массовой коммуникации создавалась для организации агитации и пропаганды среди населения СССР и в эпоху застоя достигла, пожалуй, пика своего развития. В Советском Союзе к началу 1980-х гг. выходило более 13 тыс. периодических и продолжающихся изданий[2], а разовые тиражи только газет ежедневно составляли порядка 170–180 млн экземпляров[3]. Советское радиовещание и телевидение охватывали практически всю страну, объем вещания неуклонно рос в течение 1970–1980-х гг. (Овсепян, 1999: 189–190). Государство затрачивало на поддержание и развитие системы СМИП серьезные экономические, интеллектуальные и прочие ресурсы, что было естественно, учитывая их ключевую роль в советской политической системе.

Система СМИП находилась в состоянии динамичного развития, меняясь жанрово и тематически, и достаточно оперативно реагировала на запросы времени. Это подтверждается, прежде всего, статистическими данными. Если в 1950–1960-е гг. периодическая печать в СССР демонстрировала бурный количественный рост, то в следующем десятилетии экстенсивный рост замедлился[4], зато ощутимо изменилось качество изданий: возникло много научных, профессиональных, литературных изданий, ориентированных на возросший интеллектуальный уровень советского общества[5].

Вместе с тем в произошедшем в 1990-е гг. развале СССР существенную роль сыграл кризис советской идеологии. То есть система агитации и пропаганды в период застоя постепенно утрачивала свою эффективность, так как в условиях нарастающего кризиса в экономике и общественной жизни все более теряла связь с реальностью. Системный дефицит товаров, растущий сектор теневой экономики, неравномерное распределение благ и другие проблемы[6], которые по понятным причинам были в фокусе внимания советского человека, никак не освещались в СМИ. Напротив, из-под пера журналистов выходила масса выхолощенных материалов,

прославляющих трудовые подвиги и социалистические достижения, не дающих критической оценки советской действительности. На фоне резко выросшего в 1950–1980-е гг. культурного и образовательного уровня населения Советского Союза подобный подход вызывал ироничное и даже скептическое отношение к информации, получаемой из официальных источников при полной информационной монополии государства. В частности, это выражалось в массовом распространении политических анекдотов, увеличении интереса к зарубежным радиостанциям, вещавшим на русском языке, широком распространении самиздатовской литературы[7].

Факты эти достаточно известны и вряд ли вызывают сомнение. Однако проблемы советской системы массовой информации и пропаганды в условиях позднего СССР требуют дополнительного анализа. Тема функционала советских СМИП и их сопряжения с развитием общественного сознания либо исследовалась с цензурными ограничениями, либо вытеснялась другими, более актуальными на тот момент исследовательскими проблемами. Кроме того, многие документы по проблемам идеологии, пропаганды и анализа общественного сознания до сих пор остаются недоступными для исследователей. Наконец, можно говорить о дискуссионном характере материалов, выходивших из-под пера современников событий. То есть работ много, но часть из них носит публицистический, а иногда и спекулятивный характер, а другие по объективным причинам содержат много недосказанностей.

Тем не менее нельзя говорить о недостаточной историографической базе. Сам период позднего СССР вызывает интерес не только отечественных, но и западных исследователей массовой коммуникации и общественного сознания. Можно выделить ряд ключевых теоретических направлений, в рамках которых развивается эта проблематика.

Большой корпус отечественных и зарубежных исторических и политологических исследований посвящен общим вопросам развития СССР, а также теории и практике тоталитарных политических режимов. Среди них можно выделить работы Р. Г. Пихоя (2000), А. В. Шубина (2005), Дж. Боффа (1996), Х. Арендт (1996), К. Поппера (1992) и др.

Другая важная группа исследований связана с проблематикой массовых коммуникаций в условиях позднего СССР: агитацией и пропагандой, цензурой и развитием неподцензурной коммуника-

ции и т. п. Среди них можно отметить работы Т. Горяевой (2009), «Антологию самиздата» под ред. В. Игрунова (2005) и др.

Важными и интересными являются исследования проблематики субъекта и массового сознания в условиях СССР. Это антропологические, этнографические и культурологические исследования, работы на стыке дисциплин, появившиеся в последние десятилетия. Среди западных исследований общественного сознания в СССР в разные периоды его существования, свободных от одиозных форм восприятия советской действительности, которое было свойственно ранней западной советологии, можно отметить работы А. Юрчака (2014), Й. Хелльбейка (2017), Н. Рис (2005) и др. Можно назвать и ряд отечественных работ[8].

Среди социологических исследований подобного рода, проводившихся в СССР и – позднее – в России, выделяются два ключевых блока. К первому относятся работы по социологии массовой коммуникации, проводившиеся в позднем СССР («Социология и пропаганда», 1986), информационного потребления (Грушин, Оников (ред.), 1980)[9], развития средств массовой коммуникации (Фирсов, 1971, 1977) и др.[10] Эти безусловно ценные для нас исследования – в связи с политическим контекстом – оторваны от анализа проблемной повестки, существовавшей на неформальном уровне, в них не анализировалось политическое сознание и уж тем более протестные настроения. Кроме того, их отличает невысокая оперативность обработки данных. Так, в некоторых работах начала 1980-х гг. приводились массивы данных, собранные еще в начале 1970-х, что в условиях высокой динамики социальных и технологических изменений этого периода снижало их актуальность. При этом замеры подобного рода не были регулярными.

Второй блок исследований связан с изучением общественного мнения в позднем СССР, а также исторической памяти постсоветского человека. Работы по изучению общественного мнения проводились разными исследовательскими школами еще в 1960-е гг. (Уледов, 1963; «Личность и массовая коммуникация», 1969). На излете существования Советского Союза такие исследования предпринимались ВЦИОМом (Левада (ред.), 1993; Левада, 2006 и др.), а позднее были реализованы в ряде статей и книг вышедшими из структур ВЦИОМа социологами Ю. Левадой и его коллегами. Кроме того, следует упомянуть и исследования ФОМ и Левада-центра по вопросам отношения общества к проблемам и событиям советского периода[11] и др.

Исходя из оценки существующего исследовательского поля, можно говорить о сложностях в работе советской системы массовой коммуникации и пропаганды в период позднего СССР. Одной из ключевых ее задач было «воздействие на сознание людей, придание этому сознанию желательных свойств, качеств, приближение его к идеалу, соответствующему политическим, культурным и идеологическим нормам и ценностям социалистического общества» (Грушин, Оников (ред.), 1980: 85). На практике же эта задача решалась недостаточно хорошо, что выразилось в создании и бытовании различных альтернативных каналов коммуникации[12], развитии т. н. «кухонного протеста», отраженного фольклоре и литературе[13], в связи с этим в существенном усилении цензуры и – впоследствии – в быстрой деградации политической системы в условиях появления минимальных свобод[14].

Цель предпринятой нами работы достаточно конкретна. Нисколько не претендуя на глобальную репрезентативность анализа, на примере ряда интервью с современниками событий мы пытаемся ретроспективно взглянуть на отдельные проблемные аспекты взаимодействия советских СМИП с обществом и сформулировать эти проблемы как базис для возможных будущих исследований.

В рамках интервью мы попытались поставить две ключевые задачи. Первая, которая базировалась на гипотезе о полном контроле государства над информационной сферой, обеспечивающей устойчивость тоталитарной системы, предполагала попытку – через оценку респондентами характера своего информационно-го потребления – выяснить, насколько государство могло сохранять монополию на коммуникативные процессы в условиях позднего СССР.

Вторая задача, которая основывалась на гипотезе о том, что поддержание лояльности массового сознания к идеям социализма являлось условием сохранения политической системы и было одной из ключевых задач советских СМИП, состояла в том, чтобы выяснить у респондентов их отношение к базовым идеям советской политической системы в условиях сползания страны в застой. Такая постановка проблемы может стать основой для анализа кризиса политических идей в позднем Советском Союзе.

Методология

Влияние пропаганды на сознание советского человека в условиях позднего СССР изучалось нами в течение 2015–2020 гг. в рамках спецкурса, посвященного проблематике развития советской системы

СМИ и ее пропагандистских функций. Задача работы была локальной – попытаться в рамках учебного процесса (через сбор и анализ интервью) верифицировать историографические гипотезы развития отечественной массовой коммуникации и специфики сознания советского человека в период позднего СССР. Однако по мере накопления материала стала очевидной необходимость его систематизации и академического анализа.

Методологически работа представляла собой анализ корпуса интервью с современниками эпохи позднего СССР с опорой на научную литературу и различные дополнительные источники по теме. Естественно, что, учитывая тематику, ключевыми методологическими принципами анализа стали принципы системности и историзма, без учета которых невозможно работать с подобного рода проблематикой. При этом можно говорить об определенной новизне исследования, поскольку, несмотря на большой объем социологических и антропологических работ, посвященных периоду позднего СССР, оценка влияния массмедиа на политическое сознание советского человека фактически не осуществлялась.

Собранные эмпирические данные представляют собой формализованные ретроспективные интервью на заданную тематику. Содержательно они состояли из трех групп вопросов.

Первая была направлена на сбор данных о поле и возрасте, месте жительства, а также социальном или профессиональном положении респондентов в исследуемый период.

Две другие группы, распределенные по двум хронологическим периодам, содержали вопросы по нескольким смысловым блокам, сходным для каждой группы: один блок был направлен на выявление характера информационного потребления интервьюируемых, типа и вида используемых СМИ, в том числе альтернативных, неподконтрольных государству. Другой был связан с отношением интервьюируемых к ключевым идеям, которые транслировались СМИП и были системообразующими для государственной идеологии. Наконец, респондентам предлагалось оценить свой уровень жизни в каждый из периодов. В последнем случае мы пытались выявить взаимосвязь реального уровня жизни с отношением к базовым идеям.

Вторая группа включала 15 вопросов об эпохе застоя[15] в СССР, которые условно можно разделить на два блока соответственно поставленным задачам. В одном из них вопросы касались информационного потребления в контексте политической ориентации интервьюируемых: респондентам предлагалось оценить советские

СМИП периода застоя, дать краткую характеристику советских газет и журналов, телевидения и радио. Несколько вопросов касались альтернативных каналов получения информации – самиздата и зарубежных радиостанций, вещавших на языках народов СССР, – их актуальности для респондентов. В другом блоке интервьюируемым предлагалось высказать свое мнение по поводу застоя в стране, советской пропаганды, доверия к коммунистическим идеям, советским лидерам. Тут же предлагалось оценить уровень жизни в этот период.

Третья группа из 16 вопросов была посвящена эпохе перестройки. Здесь вопросы также были подчинены общей логике интервью. Однако, поскольку формат статьи не позволяет целостно раскрыть проблему, эта группа будет рассмотрена в отдельной публикации.

Итоговую базу для анализа составили 128 интервью респондентов в возрасте от 43 до 90 лет (см. табл. 1).

Таблица 1

Возраст и пол респондентов

Возраст[16]	**Женщин**	**Мужчин**	**Всего**
43–50	19	21	40
51–60	16	19	35
61–70	18	14	32
71–80	11	5	16
81–90	3	2	5
Всего	67	61	128

Интервьюируемые в период застоя и перестройки проживали в 45 регионах Советского Союза (в том числе на территории 11 национальных и 6 автономных республик СССР).

Любопытным оказался и социальный срез массива опрошенных: среди них много представителей интеллигенции и служащих и мало рабочих и колхозников. Связано это, как представляется, не только с тем, что опрашивались, как правило, жители крупных городов, но и с изменениями в структуре советского общества. Так, ряд респондентов отмечали в ответах, что родились или выросли в сельской местности, а городскими жителями стали уже в зрелом возрасте. То есть социальный срез опрошенных вполне соответствует специфике урбанизационных процессов, происходивших в СССР во второй половине XX в. (см. табл. 2).

Таблица 2

Социальное положение респондентов на момент застоя/перестройки (количество ответов превышает сумму интервью, поскольку некоторые респонденты меняли социальный статус в течение жизни, некоторые не один раз)

Указанный социальный (профессиональный) статус	43-50	51-60	61-70	71-80	81-90	Всего
Учащийся (школьник, студент)	26	11	3	0	0	40
Служащий	6	13	12	4	3	38
Рабочий	4	3	8	1	0	16
Интеллигенция (в том числе инженеры, учителя, врачи)	6	10	16	9	2	43
Военнослужащий	5	4	2	1	0	12
Не указали (указали некорректно)	0	4	1	0	0	5

Давность периода, о котором идет речь, а также субъективные характеристики респондентов (возраст, уровень и характер образования, степень вовлеченности в политические и информационные процессы) создают определенные сложности для анализа и требуют критического осмысления. Так, в частности, в целом ряде случаев в памяти рецензентов ряд событий как бы «наплывал» друг на друга, когда отдельные события или институты, функционировавшие уже после рассматриваемых периодов, вспоминались авторами как часть эпохи. В ряде случаев интервьюируемые путали события, не могли сформулировать свою позицию в силу слабой вовлеченности в разные аспекты общественной жизни. Наконец, иногда респонденты отвлекались от темы, давая абстрактные или далекие от вопросов ответы.

Эти проблемные моменты по возможности максимально учитывались при анализе. Однако сами по себе эти ошибки, с одной стороны, достаточно объективно указывают на восприятие советскими гражданами действительности, с другой – в большинстве случаев имеют характер погрешности.

Важной особенностью представленных интервью как источника является их разное качество. Некоторые интервью получились сжатыми, сухими, лишенными развернутых ответов и ярких подробностей. Сказывалось то, что респонденты – в силу своих профессиональных и личностных качеств – не были склонны к глубокому анализу и давали либо сжатые, либо пространные ответы. Другие интервью, наоборот, отличались не только подробным изложением, но и в ряде случаев высоким качеством анализа. В частности, один

из респондентов работал в рассматриваемый период лектором-международником. Его оценки действительности оказались далеко за рамками стереотипного восприятия и представляли большую ценность как самостоятельный источник.

Цитируя интервьюируемых, мы старались максимально сохранять авторский стиль. Соответственно, все ошибки, которые были допущены респондентами при оценке прошедших событий, были оставлены без изменений. В определенном смысле они также показательны и указывают на сложности ретроспективного анализа.

В целом совокупность изученных материалов позволила получить любопытные и информативные ответы на вопросы, связанные с медиапотреблением советского человека и восприятием им идей, которые транслировались через каналы массовой коммуникации. Несмотря на то что полученные результаты носят дискуссионный характер, они могут стать основой для дальнейших исследований.

Специфика информационного потребления респондентов в эпоху застоя (в контексте формирования их политического сознания)

Тот период развития СССР, который чаще всего в историографии обозначается как эпоха застоя, характеризовался, как уже было сказано, определенными сложностями во взаимоотношениях советского человека и политической системы. Впрочем, говоря о сложностях, не нужно их преувеличивать, поскольку современные исследования указывают, что «нормальный»[17] советский человек существовал как диалектический субъект, вполне сочетавший в себе как лояльность этой системе, так и критическое отношение к целому ряду ее параметров. Это подтверждается и анализом полученных нами результатов, связанных с оценкой как характера информационного потребления в этот период, так и отношения к основным идеям, лидерам и собственным условиям жизни респондентов.

Так, подавляющее большинство интервьюируемых указали на то, что были активными потребителями массовой информации. При этом востребованы были фактически все доступные на тот момент каналы массовой коммуникации[18].

Однако анализ характеристик потребления позволяет говорить как о его достаточно сложном, многоаспектном характере, так и о том, что эффективность СМИ как пропагандистского комплекса была далека от оптимальной. В качестве примера можно отметить избирательность аудитории в отношении предлагаемой властью информации. Далеко не все СМИ и сюжеты пользовались популярностью. Советский человек мог выбирать и читать между строк.

Другим важным фактором, влиявшим на характер потребления информации, был факт массового знакомства с альтернативными, «не советскими» каналами распространения информации, которые не столько становились базовыми, сколько подрывали монополию государства на информацию – один из базовых принципов тоталитарной системы.

Если обращаться непосредственно к опыту респондентов, то по ответам можно судить о разном качестве сегментов советских СМИП. Так, печать, судя по результатам интервью, была представлена огромным набором носителей, контент в которых мог существенно отличаться как тематически, так и форматно.

Большинство респондентов утверждали, что в период застоя регулярно читали печатные периодические издания. Пресса играла заметную роль в жизни почти каждого, а некоторые подчеркнули ее особую культурную роль в жизни советского человека: «Ну, тогда вообще был культ. Были там какие-то журналы такие культовые на тот момент» (ж., 51 год, служащая, Моск. обл.); «Выписывал почти все, это модно было» (м., 83 года, служащий, Приморский край). Некоторые интервьюируемые с легкостью называли десятки изданий, которые регулярно читали. При этом, как правило, речь шла о потреблении не столько персональном, сколько семейном, так как многие издания, в соответствии с развитой в СССР культурой подписки, выписывались на дом. Впрочем, в отдельных случаях подписка на популярные издания объяснялась не столько искренним интересом, сколько существовавшей в СССР модой на чтение: «Моя семья выписывала, кажется, все. Почти. Но не для того, чтобы все читать, просто традиция» (м., 45 лет, Ленинград, Париж).

Часто процесс потребления печатной продукции стимулировался и административно. Это касалось, прежде всего, партийных и комсомольских изданий: «”Правду” вообще надо было обязательно выписывать членам партии. Райком вызывал и спрашивал: “подписался на “Правду”?”» (ж., 76 лет, служащая, Моск. обл.); «Заставляли, как коммуниста, выписывать газету “Правда”» (м., 54 года, военнослужащий, Моск. обл.); «Время было такое – все выписывали газеты: “Правду”, “Труд”, журнал “Огонек”... Читали только когда надо было для занятия, без всякого интереса» (м., 69 лет, служащий, Моск. обл.).

Однако чаще интервьюируемые отмечали искреннюю вовлеченность в потребление информации: «Прессу читали у нас много. Популярны были такие издания, как “Социалистическая Осетия”, “Правда”, “Пионерская правда”, “Известия”, “Мурзилка”, “Здоровье”, “Комсомольская правда”. Я выписывала многие из них.

Кроме того, выписывала журналы “Работница”, “Крестьянка”, местную газету “Молодой коммунист”, «Комсомольскую правду», местный журнал “Мах Дуг”» (ж., 70 лет, служащая, Орджоникидзе); «Регулярно выписывала “Юность”, “Науку и жизнь”, газету “Гудок”, журнал “Советский экран” – это самые любимые были. В общей сложности выписывала около 18-ти наименований, но сейчас все не вспомню» (ж., 82 года, служащая, Москва).

Несмотря на многообразие региональных и отраслевых изданий, доминантными для потребителя были центральные СМИ, которые пользовались высоким спросом вне зависимости от возраста и места жительства. Так, наиболее популярной советской газетой оказалась «Комсомольская правда». Несколько реже, чем «Комсомолку», но все же чаще, чем другие издания, респонденты называли «Известия» и «Правду». Соответственно, и общественно-политическая информация всегда была в фокусе внимания, даже с поправкой на избирательность ее потребления.

Что же касается тематических изданий, то можно отметить достаточно широкие интересы большинства респондентов (см. табл. 3).

Таблица 3

Какие тематические СМИ были наиболее популярны?
(по убыванию числа упоминаний)

Общественно-политические
Литературные
Научно-популярные
Другие тематические (мед., спорт, право, воен. и др.)

Общественно-политическая тематика была если не доминирующей, то весьма значимой в информационном потреблении. Другие тематические блоки также были изрядно политизированы, что характерно для советской системы СМИП. Любое издание, будь то научно-популярное или молодежное, должно было транслировать доминирующие политические идеи. Постоянное, систематическое воздействие пропаганды на сознание отметили многие респонденты: «Все издания были заполитизированны наглухо. Все так писалось, под лозунгом: “Да здравствует советский народ, вечный строитель коммунизма”» (м., 63 года, спекулянт, Москва); «Все они (СМИ) говорили примерно об одном и том же: о передовиках производства, трудовых подвигах, о том, как какой-нибудь лесоруб или машинист перевыполнил план. Повестку дня составляли в основном позитивные новости» (м., 55 лет, учащийся, солдат, рабочий, Татарская АССР). Впрочем,

чаще всего интервьюируемые никак не комментировали идейную ангажированность изданий или даже отмечали позитивную составляющую пропаганды: «Характерной чертой того времени было культурное воспитание молодежи – и литературное, и историческое. Конечно, было много идеологии. Но воспитанию тогда уделяли много внимания» (м., 73 года, инженерно-технический работник, Казань).

Важным фактором потребления официальной информации было наличие «внутренних фильтров» в сознании советских людей. Ответы интервью прямо указывают на то, что пропагандистские материалы и идеи игнорировались или воспринимались максимально критично: «До 1975 года читал “Правду”, а потом перешел на “Известия”, потому что они были менее идеологизированными. Читались только новости из-за рубежа и спортивные материалы. Внутриполитическая пропаганда полностью расходилась с реальностью» (м., 69 лет, военнослужащий, Венгрия, Рига, Кишинев).

Некоторые респонденты отмечали незаинтересованность в этом типе контента, предпочитая далекие от политики сюжеты: «Читали “Бурда”, “Огонек”, “Литературная газета”, “Новый мир”. Политическую фигню не читали» (ж., 46 лет, учащаяся, Запорожье). Соответственно, идеологическое воздействие частично нивелировалось формализмом его распространения. Здесь можно еще раз упомянуть негативную практику принудительной подписки на ряд изданий. В результате, например, “Правда”, выходившая к середине 1980-х гг. ежедневными тиражами по 5–6 млн экземпляров, имела номинальную ценность как источник информации: «“Правда” лежала, но ее не читали» (ж., 46 лет, школьница, Ленинград).

Заметной формой эскапизма в условиях переизбытка политических идей оказывалась ориентация респондентов на неполитическую, социокультурную тематику, которая была популярна и наименее политически ангажирована: «Мои любимые журналы были: “Вокруг света”, я умирал от этого журнала, потому что там можно было увидеть мир не только глазами Сенкевича, а тогда весь советский народ смотрел на мир глазами Сенкевича. Еще “Советский спорт”, там спортсменов каких-нибудь можно было увидеть... “Пионер” хороший был журнал, “Костер”. Потом “За рулем”. Из газет более-менее были “Аргументы и факты”, когда они только появились: там были дебаты, споры. Ну и “Комсомольская правда”. А вот эти все “Известия”, “Правда”, – это обязательно заставляли» (м., 63 года, спекулянт, Моск. обл.); «На даче недавно нашел несколько десятков номеров “Науки и жизни” — выписывал долго, в силу своих научных интересов. Основные идеологически направ-

ленные и крупные издания, как “Правда” — специально не читал, но когда попадались в руки, пролистывал ради интереса» (м., 54 года, студент, научный работник, Ленинград).

Наиболее популярными неполитическими изданиями были издания литературные (это заметно по комментариям респондентов). Их любили, массово выписывали, а такие, как «Новый мир» например, становились предметом дефицита: «Тогда все было в дефиците. Лично я читала “Новый мир”, но тогда подписка была лимитированная. На работе по два-три давали журнала. Также ты мог подписаться на несколько, но только по розыгрышу! Если повезет, в общем» (ж., 55 лет, инженер, Москва). Впрочем, дефицит касался не только литературных, но и любых популярных журналов: «В то время я выписывала газету “Комсомольская правда”, журналы “Наука и жизнь”, “Юность”, “Роман-газета”, “Вокруг света” и все с удовольствием читала. Но подписаться на журналы было очень трудно» (ж., 67 лет, служащая, Москва). Неполитическая журнальная периодика была менее ангажирована, а спектр обсуждаемых тем позволял редакционным коллективам выходить за рамки стандартных идеологических установок.

А вот телевидение и радио респонденты оценили в основном более критично. Их востребованность объяснялась не столько качеством и разнообразием продукта, сколько безальтернативностью.

Советское телевидение, по мнению большинства критиков, было однообразным, скучным, предсказуемым и идеологизированным. «Да ничего там не было, смотрели то, что покажут. Смотреть нечего было, хотя в школьные каникулы показывали детские фильмы – их мы смотрели. Спорта было не очень много, только в период Олимпиад было что посмотреть. Новости были про успехи тружеников села и про то, что сказал Брежнев, с кем встретился, – мне не интересно было, хотя отец смотрел. Я из всех передач смотрел только “Международную панораму” – не из-за сюжетов, они наверняка были пропагандистскими, про то, что у нас все лучше, чем за рубежом, а ради видеоряда. Города можно было увидеть, посмотреть, как люди в Европе живут» (м., 44 года, школьник, студент, Калуга); «Я думаю, что телевидение в период застоя было идеологическим. Пропагандировало советский строй как самый справедливый. Было много политических передач, передач о передовиках производства и сельского хозяйства. Но были и интересные телепрограммы» (ж., 49 лет, студентка, Тамбов).

В отдельных случаях отмечался гуманистический характер пропаганды, а сама она воспринималась без негативного подтекста – как воспитание гражданской позиции: «Какое было телевидение? Такое, какое

преподносили. Внутри процесса мы пропаганды не замечали, она была не навязчивая, а руководящая» (м., 74 года, инженер, Моск. обл.); «Телевидение было менее развлекательным. Но оно не было тотально идеологизированным, были научно-популярные, познавательные передачи, например “Очевидное-Невероятное”, “Клуб Кинопутешествий”, “В мире животных”» (ж., 62 года, служащая, Венгрия, Рига, Кишинев).

Позитивные отзывы о телевидении также были связаны с его гуманистическим характером и с отсутствием рекламы, коммерчески ориентированного контента. Несколько респондентов отметили ряд преимуществ, вытекавших как из особенностей советской экономической и политической системы, так и из профессионального характера системы телевизионного производства: «Телевидение, кстати, было хорошее. Не в плане смыслового наполнения, но в плане профессионализма. Ведущий обладал эталонным русским языком, не мог допустить оговорок или ошибок. Хороший юмор был, кстати. Например, передача “Вокруг Смеха”. Детское телевидение — “В гостях у сказки”. В общем — меньше пафоса, больше содержания...» (м., 54 года, студент, научный работник, Ленинград); «А телевидение было простым, обыкновенным, поменьше плохого показывали по телевизору, чем сейчас, поменьше про это рассказывали. А сейчас опустились ниже некуда» (ж., 68 лет, рабочая, Моск. обл.).

В целом же телевизор смотрели активно, в силу того что это был единственный зрелищный тип СМИ: «Смотрели все: и детские, и взрослые передачи, и научные передачи, и кинопанораму. Все программы смотрели – их всего было несколько штук. Невозможно было не смотреть, ведь больше ничего не было...» (м., 43 года, военнослужащий, Моск. обл.); «Первое, что можно сказать о советском телевидении: оно было убогим. Смотрели мы то, что нам показывали, а не то, что мы хотели смотреть. Существовало два канала, и там, в основном, смотрели развлекательные программы, типа «Голубой огонек», праздничный концерт в День милиции...» (м., 68 лет, инженер, Волгоград, Горький).

Таблица 4

Наиболее популярные характеристики советского телевидения (по убыванию числа упоминаний)

Однообразное, скучное, нудное, неинтересное, нечего смотреть и т. п.
Идеологизированное, политизированное, пропагандистское и т. п.
Хорошее, доброе, светлое, достойное, гуманистичное и т. п.
Никакое, плохое, убогое, слабое
Стабильное, предсказуемое, понятное, простое, схематичное

Восприятие идей, транслируемых по телевидению, подчинялось, судя по таблице 4, ряду закономерностей. В первую очередь той самой безальтернативности, о которой уже говорилось. Во-вторых, характером занятости респондентов и минимальным объемом предложения. Так, некоторые респонденты утверждали, что телевизор смотрели мало в связи с занятостью: «Смотрела фильмы и политические передачи, но смотрела мало – очень много работала» (ж., 82 года, служащая, Москва); «Мы были простым рабочим классом, после работы сразу убирать, готовить, делать уроки с детьми, было не до телевизора» (ж., 77 лет, врач, Северная Осетия). Наконец, играл роль и фактор критического восприятия действительности, тех самых «внутренних фильтров». Многие респонденты вспоминали постоянную трансляцию съездов Коммунистической партии. Поскольку партийные съезды были не таким уж частным явлением, вероятнее всего, под ним понимали политические собрания, пленумы и т. п. Общее отношение к такой линейной и формализованной форме идеологического воздействия было, как правило, негативным: «Советское телевидение до перестроечного периода было очень добрым, познавательным и интересным, какую передачу ни возьми. Кроме, конечно, трансляций о съездах партии» (ж., 60 лет, интеллигенция, Москва); «Смотрела центральные каналы и им верила, хотя критически относилась к Съездам, которые были все одинаковы» (ж., 72 года, учитель, Феодосия).

Как видно из ответов, большинство респондентов предпочитали смотреть передачи, максимально далекие от политики. Абсолютным лидером по популярности было кино. Из политических программ в фокусе внимания респондентов были только программа «Время», новости и «Международная панорама». В остальном же к наиболее популярным относились такие передачи, как «В мире животных», «Клуб кинопутешественников», «Очевидное-невероятное» и ряд подобных, мало связанных с политикой.

При этом логика советского телевидения, заточенного, как и другие СМИ, на продвижение коммунистических идей, предполагала, что и эти передачи должны выполнять идеологические функции. Однако эти функции далеко не всегда фиксировались респондентами, наоборот, передачи воспринимались как форма эскапизма. Так, в частности, многие отмечают познавательные и развлекательные передачи как предмет постоянного интереса в условиях агрессивной политизации: «Сплошная пропаганда, скучное телевидение. Я смотрела стандартные передачи: “Спокойной

ночи", "В мире животных", "Кинопанорама". Ждала, когда в "Утренней почте" включат песни из репертуара зарубежных артистов» (ж., 45 лет, школьница, Москва); «Я практически не смотрел телевизор. Считал, что это полное продолжение пропагандисткой машины, ничем не отличалось от радио и газет. Если смотрел, то только программы "Клуб кинопутешествий", "Кинопанорама", "Очевидное и невероятное". Из политических смотрел "Международную панораму" (помню, вел Зорин), выключив звук, чтобы понять, что происходит в мире» (м., 63 года, служащий, Москва).

Можно сделать схожие выводы и о советском радиовещании. Предложение по контенту и количеству каналов для аудитории в 1970–1980-е гг. было несколько более разнообразным, поскольку радиоканалов было больше, чем телевизионных. Вместе с тем утверждать, что оно было востребовано и значимо как идеологический инструмент, можно с известными оговорками.

Только половина интервьюируемых признала актуальность официального советского радиовещания в условиях позднего застоя. Многие отметили, что радио присутствовало в их жизни скорее фоном, не являясь значимым источником информации. При этом многие респонденты признали свою низкую вовлеченность в процесс потребления радиоинформации.

Наименее востребованным радио оказалось для молодых респондентов, ведь поколение это росло в условиях бурного развития телевидения, что, конечно же, снижало значимость радиовещания. Да и представители старшего поколения обратили внимание, что значение радио постепенно падало: «Радиоточки фактически всегда работали в 60-е. В 70-е уже нет» (м., 69 лет, военнослужащий, Венгрия, Рига, Кишинев); «А когда появился телевизор, вообще забыли про радио» (м., 74 года, инженер, Моск. обл.).

Что касается тематики, то вряд ли можно выделить какие-то наиболее популярные сюжеты. Те респонденты, которые давали развернутые ответы, чаще отмечали музыкальные передачи, радиоспектакли, литературные произведения. Многие отметили актуальность утренних передач: «Пионерская зорька», «Утренняя гимнастика» и т. п. Новостная и социально-экономическая повестка отмечались респондентами редко, и чаще с оттенком пренебрежения: «Дома, казалось, радио работало без остановки. В течение дня: утренняя гимнастика, потом развлекательные передачи, потом статистика о достижениях в сельском хозяйстве, потом снова развлекательные передачи» (ж., 51 год, служащая, Моск. обл.);

«Официальное радио было таким же, как ТВ и газеты. Все хорошо, кругом успехи» (ж., 51 год, студентка, служащая, Татарская АССР). Наконец, несколько человек однозначно отметили пропагандистский характер радио: «Было слишком много коммунистической пропаганды» (м., 56 лет, соц. статус не определен, Моск. обл.); «Никогда не слушала. Оно тоже было пропагандистским» (ж., 82 года, служащая, Москва).

Судя по ответам, радио использовалось в СССР масштабно, но инерционно. Актуальность его постепенно утрачивалась, поскольку оно не только проигрывало в конкурентной борьбе телевидению, но и зачастую предлагало контент, не соответствующий общественным потребностям. Один из респондентов охарактеризовал эту проблему следующим образом: «Напряженно ждали современной, хоть бы советской эстрады. От песен типа "партия – наш рулевой" тошнило. Зарубежная эстрада, хоть одна песня – уже счастье советской молодежи!» (м., 59 лет, интеллигенция, Москва).

Справедливости ради надо сказать, что многие в своих интервью отметили позитивный характер советского радио: «Радио было фоном жизни, слушали чтения, классическую музыку, под него просыпались, с ним ложились, обязательна "Пионерская зорька"» (ж., 62 года, Киргизская ССР, Моск. обл.)». Отзыв показательный, однако как политически актуальный источник информации радио не рассматривалось.

Общую роль огромного комплекса СМИП, созданного в СССР к 1970-м гг., в повседневной жизни респондентов можно признать значительной. Советское общество – даже та его часть, которая критически относилась к советскому строю, – было активно вовлечено в информационное потребление, через различные каналы получая набор идеологических установок.

Однако усвоению этих идей мешало среди прочего и наличие альтернативных каналов получения информации. Будучи официально запрещенными, они тем не менее были относительно доступны, пользовались популярностью и разрушали монополию государства на массовую информацию. Речь идет, прежде всего, о самиздате (в различных его вариациях, включая и «тамиздат») и о зарубежных радиостанциях, вещавших на языках народов СССР.

Анализируемые интервью указывают на то, что в условиях застоя советское государство постепенно утрачивало монополию на информацию. Так, более половины респондентов отметили, что поль-

зовались альтернативными медиаканалами. Впрочем, как формат использования этих каналов, так и характер транслируемых смыслов не был однородным. Но они создавали альтернативу – возможность получения чуждых советской идеологии идей.

К 1970-м гг. самиздат как один из ключевых каналов неформальной информации в СССР прошел большой и тернистый путь развития и был представлен не только художественной и публицистической литературой, но и политическими изданиями.

А власти, в свою очередь, энергично боролись с ним, накладывая жесткие санкции не только на изготовителей и распространителей, но и зачастую на пользователей. Результаты интервью показали, что хождение самиздата в стране было достаточно масштабным. Около половины интервьюируемых вспомнили, что в условиях застоя так или иначе сталкивались с продукцией самиздата. Несколько человек отметили, что не пользовались лично, но знали о его существовании.

Впрочем, нужно понимать, что под самиздатом респонденты понимали широчайший массив кустарно изготовленных материалов, часть из которых не была официально запрещена, но являлась дефицитом в условиях плановой экономики. Ореол запретности сопровождал этот тип медиа, а сам акт участия в процессе его использования был элементом протестного поведения. Однако у большинства факт пользования самиздатом серьезных эмоций не вызвал.

Вряд ли можно говорить и об активной вовлеченности респондентов в процесс изготовления и распространения самиздата. Интересовались им респонденты активно, но сами редко (только 10 человек из всех опрошенных) участвовали в изготовлении или распространении самиздата.

В самиздате доминировали художественные тексты, зачастую далекие от политики или негатива по отношению к советской системе. Наиболее часто упоминаемыми авторами были М. Булгаков, В. Высоцкий, А. Солженицын, другие русские писатели XX в.: «В 1984 году “Мастера и Маргариту” читали. Алешковского еще читали, Давлатова. Солженицын тоже был, но он меня в таком возрасте не интересовал. Периодически запрещали Зощенко, даже Есенина, они тоже ходили (в самиздате)» (м., 44 года, школьник, Баку, Москва); «В основном Солженицын, Булгаков “Собачье сердце”, Александр Зиновьев “Зияющие высоты”, Галич, журнал “Метрополь” (общеполитические статьи)» (м., 63 года, служащий, Москва).

Политические тексты мало кому попадались, да и значимость их в целом была не слишком высока. Пожалуй, важнейшую символическую роль в политическом смысле играли художественные тексты, авторы которых были под запретом.

Восторженных отзывов о качестве «самиздатовских» текстов оказалось немного, в некоторых сквозило откровенно скептическое отношение: «Самиздат, ну мы его иногда переоценивали. Считали, что самиздат – это такие вообще гениальные вещи, что в них истина. А на самом деле самиздат был очень часто неинтересный, неубедительный. Самиздат очень часто был окружен такой мифологией» (м., 55 лет, школьник, студент, Москва); «Практика показывала, что этот самый самиздат дальше уровня повести “Один день Ивана Денисовича”, которая была вполне доступна, не шел. Это во-первых. Во-вторых, по западным радиостанциям, в частности, по радиостанции “Свобода”, которую можно было спокойно слушать после полуночи, регулярно передавали содержание этих новейших произведений, того же Солженицына. Кроме того, говорить о какой-то сенсации в этих произведениях я бы не стал. Среди людей моего круга самиздат большого интереса не вызывал» (м., 70 лет, преподаватель, Горький).

Были и противоположные отзывы, подчеркивающие важность и высокое значение данного феномена для респондентов: «Самиздат был окном в настоящую действительность» (м., 56 лет, Моск. обл.). Но таких мнений немного.

Похожую картину можно наблюдать в оценке интервьюируемыми другого наиболее популярного канала неподконтрольной власти информации, а именно зарубежных радиостанций, вещавших на территорию Советского Союза. В целом их популярность была достаточно высокой: более половины респондентов отметили, что слушали «вражеские голоса».

Впрочем, не обходилось и без сложностей. Многие респонденты отмечали проблемы, связанные с глушением станций на территории Союза, а также с несовершенством приемной радиоаппаратуры: «Слышимость была плохая, все заглушалось. Быстро терялся интерес» (ж., 61 год, служащая, Москва); «Их было невозможно слушать, все глушилось. Чтобы послушать “Радио Свобода”, нужно было дорогой транзистор иметь, и за это могли вычислить» (ж., 47 лет, Красногорск, Казахская ССР).

Неоднозначным было и отношение к западным радиостанциям. Оно варьировалось от резкого негатива до полного восторга (см. табл. 5).

Таблица 5

Отношение к зарубежным радиостанциям, вещавшим на языках народов СССР (по убыванию числа упоминаний)

Интерес, любопытство
Отрицательное, негативное и т. п.
Нейтральное, никакого, все равно и т. п.
Положительное, верили, нравилось и т. п.
Двоякое (положительное и отрицательное одновременно)
С опаской, старались не обсуждать и т. п.

Как видно, преобладающей эмоцией было любопытство. Советские люди в этот период не были активными «фрондерами», но достаточно критично относились к советской пропаганде. А западные радиоканалы эффективно транслировали критическое восприятие советской действительности и привлекательность образа западной культуры. В этом смысле показателен комментарий уже упоминавшегося преподавателя (лектора-международника) из города Горький: «В целом западные станции делали упор не на политическую, а на социальную пропаганду, и со стороны наших соперников это было наиболее рационально и оправданно, на мой взгляд» (м., 70 лет, преподаватель, Горький).

Восприятие респондентами некоторых ключевых политических идей, транслируемых системой СМИП

Отвечая на, пожалуй, ключевой вопрос об эпохе, большинство респондентов подтвердили наличие застойных явлений в СССР. Причем это признавали в своих интервью как жесткие критики советской системы, так и респонденты, достаточно лояльно и ностальгически относящиеся к прошлому.

В целом можно констатировать, что целенаправленная и системная пропаганда достижений советского народного хозяйства мало кого обманывала. Отношение к эпохе у большинства респондентов вполне критическое. Можно, конечно, предположить, что на это повлияла постсоветская переоценка действительности. Однако эта гипотеза вряд ли корректна с учетом того, что многие респонденты ностальгически оценивают стабильность и предсказуемость советского периода.

В большинстве случаев восприятие эпохи детерминировалось не идеологическими стереотипами, а практикой. Вместе с тем в уточняющих ответах обнаруживаются качественные расхождения в восприятии эпохи: те, кто признал наличие застоя, зачастую понимали его по-разному (см. табл. 6).

Таблица 6

Если застой был, то в чем он проявлялся?
(наиболее популярные мнения по убыванию)

Прежде всего в экономических проблемах
В комплексных проблемах (системные проблемы, бюрократия, культурный застой и т. п.)
В экономических и политических проблемах
Прежде всего в политических проблемах

Некоторые респонденты признавали, что осознание застоя пришло только постфактум, косвенно подтверждая эффективность воздействия на них советской пропаганды в тот период: «Я не ощущала застой. Понятия такого тоже тогда не было» (ж., 53 года, школьница, студентка, Саратов); «Был, но это не самый плохой период в нашей жизни. Я тогда этого не понимал, что в стране застой. У нас были космос и целина. Это воодушевляло!» (ж., 77 лет, интеллигенция, Севастополь, Саратов); «Был, но мы его тогда не ощущали» (ж., 44 года, учащаяся, Моск. обл.).

Многие интервьюируемые обнаружили диалектическое отношение к эпохе, отметив как положительные, так и отрицательные ее черты: «Да, застой был. Но все же была стабильность и порядок» (ж., 53 года, служащая, Новгород); «В 1970-х его явно не было. В 1980-х появились признаки застоя (кажется, это лучшее время при социализме)» (м., 69 лет, военнослужащий, Моск. обл., Забайкальск. край, Тульск. обл., Монголия); «Низкая производительность труда, отсутствие современных, западных технологий. Но за это время, вместе с тем, было столько всего построено, столько санаториев, дорог, заводов и т. д.» (м., 48 лет, военнослужащий, Донецк. обл., Москва).

Впрочем, достаточно большой процент тех, кто дал развернутый ответ, критиковали всю советскую систему, говоря о ее глубоком кризисе: «Засилье КПСС во всех государственных и общественных делах, тотальный партийный контроль за обществом, пренебрежение экономическими законами и приоритет идеологии» (м., 63 года, проректор вуза, Ташкент); «Развития промыш-

ленности не было, производительность труда была отвратительная, народ абсолютно не был заинтересован в результатах своей деятельности, никакого энтузиазма, никакого желания чего-то добиваться. В общем-то, такая жизнь довольно серая и убогая» (м., 68 лет, инженер, Волгоград, Горький, Североморск).

Несмотря на критическое отношение к советской действительности, респонденты в большинстве своем ответили утвердительно на вопрос о доверии к советской пропаганде в тот период. Однозначно негативно высказалось чуть менее трети интервьюируемых. Такая позиция людей, имеющих большой, причем альтернативный, жизненный опыт, свидетельствует о высокой эффективности СМИП в этот период.

При анализе ответов можно отметить несколько важных нюансов. Так, многие респонденты в этом вопросе не только были категоричны, но и решительно, без оговорок переносили их на все советское общество. При этом люди примерно одного возраста и социального положения давали противоположные ответы типа «нет, никто не верил» и «тогда все верили». Многие респонденты склонны свой опыт общения в малой группе ретроспективно экстраполировать на все советское общество.

Часть интервьюируемых указали на связанную с возрастными изменениями или с появлением вопросов к советской политике трансформацию отношения к государственной пропаганде: «В школьные годы верила, в студенческие уже не очень. Верили не в коммунизм, а верили в хороших людей» (ж., 60 лет, интеллигенция, Москва); «Верил, но иногда возникали сомнения. В период застоя был на Афганской войне. Правительство и высшее командное руководство говорило нам, что мы защищаем южные рубежи СССР. Возникали вопросы: от кого защищаем и зачем нужна эта война» (м., 54 года, военнослужащий, Моск. обл.).

Можно традиционно выделить небольшое ядро людей, резко настроенных против советской власти, суждения которых отличаются радикальностью: «Никогда в жизни не верил в коммунизм и советской пропаганде не верил абсолютно! Воспринимал ее как должное, и как идеологию тех, кто в ней заинтересован» (м., 68 лет, инженер, Волгоград, Горький, Североморск); «Застоя не было, была деградация, экономическая, социальная» (м., 73 года, интеллигенция, Тюмень, Москва). Такое же ядро можно наблюдать на другом полюсе мнений: «Застоя у нас особенно не было. Работой были обеспечены все, зарплата не уменьшалась» (ж.,

80 лет, интеллигенция, Крым). Большинство же высказывалось менее категорично в том смысле, что условия времени во многом определяли отношение к пропаганде.

Наконец, многие интервьюируемые (примерно каждый пятый) не сговариваясь указали на важнейший аспект отношения к советской идеологии в позднем СССР. Доверяя текущей пропаганде, они критически относились к базовым коммунистическим идеям, вокруг которых эта пропаганда и строилась. Этот момент указывает на медленный распад ядра идеологии, за которым кризис текущих идей являлся лишь вопросом времени.

Впрочем, сомнение в возможности построения коммунизма не мешало подавляющему большинству респондентов с уверенностью смотреть в свое будущее. С одной стороны, социальная стабильность в СССР этого периода отмечается как интервьюируемыми, так и исследователями[19], а с другой – эта уверенность не могла появиться в условиях ощущения стагнации и кризиса. То есть можно предположить, что система СМИП выполняла свои ключевые функции, создавая доминантное ощущение позитива и уверенности в завтрашнем дне.

Позитивное отношение к будущему, которое так очевидно отметило большинство интервьюируемых, связано со стандартным набором факторов, не имеющих отношения к идеологическим установкам: «Да, позитивные ожидания были, но надежда была больше на себя, на свои способности» (ж., 62 года, служащая, Венгрия, Рига, Кишинев); «Конечно, были, но они не были связаны с государством, режимом и идеологией» (м., 44 года, учащийся, Баку, Москва). Важную роль, конечно, играл возрастной фактор, который многие отметили как ключевой: «Были позитивные ожидания, наверно, потому что были молоды» (ж., 49 лет, студентка, Тамбов).

Для многих стабильность советской системы была важнее, чем вера в построение справедливого (коммунистического) общества: «Я знал, что по окончании ВУЗа, буду иметь хорошую работу и достойную зарплату» (м., 47 лет, интеллигенция, Краснодар); «Но могу твердо сказать, что всегда была уверенность в завтрашнем дне! Что после института будет работа, квартира, если будешь хорошо работать, то со временем добьешься многого» (ж., 60 лет, интеллигенция, Москва).

Ряд интервьюируемых отметили, что надежды на будущее не были связаны с коммунистическими идеями: «Безусловно, были

оптимистичные взгляды. Но мои надежды о будущем не были связаны с коммунизмом» (м., 51 год, соц. статус не указал, Москва).

Конечно, многие при оценке своего будущего опирались на веру в социалистический путь развития. Однако часто уверенность в будущем была связана не только с идеологическими установками, но и с реальным статусом и достижениями Советского Союза: «Да, была уверенность, что застой, это временное явление, мы мощная страна и впереди будет лучшая жизнь. Ощущение это рождалось от того, что мы летаем в космос, делаем лучшее оружие, кормим мир и т. п.» (м., 69 лет, военнослужащий, Венгрия, Рига, Кишинев); «Также хочу обратить внимание на то, что авторитет нашего государства на международной арене был велик, и мы считали, что мы живем в сильной стране. Следовательно, надежды были и на мирное будущее, и на улучшение условий жизни» (м., 70 лет, преподаватель, Горький).

Ну и, наконец, некоторые респонденты искренне связывали свое будущее с социалистическим курсом развития страны. Однако они не были большинством. Скорее можно говорить, что эти люди верили в будущее исходя из факторов своей собственной жизни, среди которых идеология была далеко не основным.

Это хорошо видно и по отношению респондентов к руководителям партии и правительства, которые возглавляли страну в эпоху застоя. Созданный советской политической системой «культ вождей» требовал от СМИП постоянной, системной работы по формированию и поддержанию их позитивного образа. Причем культ этот, пожалуй, относился к базовым идеологическим принципам, культивируемым политической системой[20]. Однако на практике после сталинского периода он постепенно формализовался, а в условиях застоя по ряду причин, рассмотрение которых выходит далеко за рамки данного исследования, приобретал все более номинальный характер.

Несмотря на мощный пропагандистский фон, которым сопровождались действия Генеральных секретарей ЦК партии, отношение респондентов к ним в период застоя мало коррелировало с формальными установками. Оно формировалось с поправкой на возрастные и субкультурные характеристики. Суть такого отношения можно охарактеризовать словами преподавателя высшей школы из города Горький: «Отношение (к руководителям государства) было негативное. Эти люди во многом продолжали управлять методами 30–40-х годов, которые для страны уже не подходили.

При всех недостатках советского образования, к этому времени качественный состав страны изменился, а подход к людям остался прежним. Вот это патерналистское отношение к населению вызывало негативную реакцию. Было видно, что руководство теряет динамику, что оно состоит из людей старшего возраста, которые не могут уже адекватно реагировать на то, что происходит в стране. И, конечно, недовольство у молодежи и людей среднего возраста вызывала фигура Брежнева. Что касается последующих фигур, например, Андропова, то при всех его попытках осуществлять реформы было ясно видно, что человек уже не жилец (то же можно сказать о Черненко)».

Высокая оценка деятельности советских лидеров редко связана со слепым доверием, навязанным пропагандой. Как правило, она мотивировалась конкретными причинами, связанными с советской практикой. Так, Л. И. Брежнева одобряли за стабильность и предсказуемость: «Брежнев плохого ничего не делал, было очень спокойно, размеренно, счастливо. Никаких потрясений, ничего. Политическая ситуация была спокойная, обстановка в стране была очень хорошая» (м., 83 года, служащий, Приморский край); «Брежнева все осмеивали, но любили, так как все было доступно простым людям. Запомнилось, что люди считали, что уже живут при коммунизме, так как цены не были баснословными» (ж., 69 лет, интеллигенция, Москва).

Оценка деятельности Ю. В. Андропова также была привязана к конкретике. Несмотря на недолгое пребывание на посту генсека, в памяти многих он остался человеком, который способен был реформировать Союз и предотвратить его распад. Многие респонденты отмечали жесткость его руководства, но увязывали ее с надеждой на наведение порядка в стране: «Андропова в среде военных уважали, он хоть что-то стал менять в “стоячем пруду”» (м., 54 года, военнослужащий, Моск. обл.); «Андропов внушал страх и уважение. Реформы проводил» (м., 43 года, военнослужащий, Моск. обл.).

Кстати, и негативные отзывы были мало связаны с пропагандистскими клише, скорее увязывали действия этого лидера с возможными репрессиями и возвратом в сталинские времена: «Андропов – страшновато. Некоторые взрослые говорили: “вот, 37 год опять будет”» (м., 45 лет, школьник, студент, Ленинград, Париж); «Андропов вызывал, в основном, чувство опасения, страха. От него ждали всяких гадостей, потому что он был прямым потомком той конторы, которую он возглавлял до этого» (м., 68 лет, студент, инженер, Волгоград, Горький).

В любом случае можно предположить, что образ советских лидеров определяла в этот период не столько пропаганда, сколько практика их руководства и принятия решений. Именно она закреплялась как доминантный стереотип о лидерах.

Несмотря на скептическое отношение многих респондентов к базовым идеям, транслируемым государственными СМИП, говорить о серьезном кризисе идеологии в условиях застоя по результатам интервью нельзя. Политическая система все еще была устойчивой, и скепсис по отношению к внутриполитическим реалиям частично купировался стабильностью и предсказуемостью жизни. Несмотря на низкие зарплаты, перманентный дефицит товаров народного потребления, экономическую нестабильность, большинство респондентов на удивление уверенно чувствовали себя в социально-экономическом смысле. Даже те, кто негативно относился к советской политической системе, чаще всего оценивали свой уровень жизни как удовлетворительный. А это, в свою очередь, рождало у людей ощущение, что существующие проблемы носят локальный характер, не затрагивают ключевых параметров системы (см. табл. 7).

Таблица 7

Как вы можете оценить свой уровень жизни в 1970-е – начале 1980-х гг.? (наиболее популярные мнения по убыванию)

Хороший, нормальный
Средний
Отличный, высокий, элитный
Выше среднего
Низкий, бедность
Ниже среднего, скромно

Принимая во внимание известный марксистский тезис о том, что бытие определяет сознание, можно доверие респондентов к советской системе СМИП увязать с тем, что она продолжала опираться на позитивную реальность. Однако в условиях нарастающего кризиса и девальвации базовых идеологических установок кризис идеологический был только делом времени. Начавшая перестройка быстро показала эфемерность существовавшего консенсуса между общественным сознанием и официальной идеологией.

Дискуссия

Представленные результаты носят частный характер и вряд ли могут быть экстраполированы на всю совокупность советского социума. Неточность полученных результатов объясняется тем, что все интервью носят ретроспективный характер, а следовательно, неизбежно содержат в себе элементы позднейшей рефлексии. Однако сами по себе интервью представляют ценность для исследователей периода, а полученные результаты могут стать основанием для дальнейших изысканий. Тем более что сходство в ответах людей, никак не связанных друг с другом, имеющих разный жизненный опыт и представляющих разные поколения, недвусмысленно указывает на существование закономерностей в восприятии политических идей и проблем, транслируемых советскими СМИП. Выводы по результатам интервью опираются как на исторические данные и исследования, так и на свидетельства современников эпохи (журналистов, мемуаристов, писателей и др.)

В целом же, подводя промежуточные выводы, можно согласиться с тезисом отечественных социологов о том, что «советская история знала лишь одно поколение «вполне советских» людей. Хронологически это поколение (когорта) вступивших в активную социальную жизнь в начале 30-х годов и занимавших ключевые позиции в ней до середины или конца 50-х. Предыдущее поколение было переломлено революционными потрясениями и лишь отчасти приспособилось к новой для него жизни. Последующее – встретило и, в общем, с готовностью встретило кризис и распад всей системы» (Левада (ред.), 1993: 28). В известной степени этот тезис можно трансформировать в мысль о том, что советская идеология, построенная вокруг идей, созданных во второй половине XIX в. и оформленных в первой половине века XX-го, постепенно утрачивала свою актуальность и все больше отрывалась от реальности, что отражалось в сознании советского человека, который был зажат в тисках между меняющейся реальностью и традиционными лозунгами. До определенной поры этот разрыв в сознании не был критичным, однако подспудно советский человек был готов к переменам в системе. Начавшаяся в стране перестройка ярко продемонстрировала хрупкость советской идеологической модели.

Говоря о непосредственных выводах к работе, можно отметить, что ответы указывают на то, что государство в большой степени

утратило монополию на информацию в среде респондентов. Это подтверждается, прежде всего, сравнительно легким доступом к альтернативным источникам информации и идеям. При этом значимость зарубежных радиостанций или самиздата переоценивать, судя по ответам, нельзя, однако для многих они были «запретным плодом», тяга к которому обуславливалась не только принципиально иным контентом, но и фактом ее табуированности. А частично выхолощенное содержание политически значимых тем в советских СМИП в какой-то мере стимулировало этот интерес.

Большая часть респондентов достаточно критично воспринимала те ключевые для политической системы идеи, о которых шел разговор в интервью. Впрочем, в условиях сохранения жесткой вертикали власти, а также сохранения влияния советской пропаганды для большинства респондентов значимость этих проблем была невысокой, однако они создавали возможности, которые были реализованы в условиях кризиса.

Примечания

[1] Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

[2] Печать СССР в 1980 году. Статистический сборник. М., 1981. С. 115.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] См. *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 372–373.

[7] См.: Истоки и смысл советского самиздата. Интервью с А. Даниэлем // Антология самиздата / под ред. *В. Игрунова*. М., 2005. Режим доступа: http://antology.igrunov.ru/a_daniel.html (дата обращения: 25.01.2021).

[8] См. например: *Дённингхаус В., Савин А. И., Савина Т. В.* Генеральный политрук: языковые особенности рабочих дневников Л. И. Брежнева // Идеи и идеалы. 2017. № 2 (32).

[9] 7 пятниц. Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов (программы и документы исследования). М.: ССА, 1969. Вып. 1, 2.

[10] Читатель и газета: Итоги изучения читательской аудитории центральных газет. Читатели «Труда». М., 1969. Вып.1, 2.

[11] См. например: https://fom.ru/tag/SSSR (дата обращения: 25.01.2021); https://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-vosproizvodstvo-pamyati-o-sovetskom-soyuze/ (дата обращения: 25.01.2021) и др.

[12] См. например: *Даниэль Ю.* Истоки и смысл советского Самиздата / Антология самиздата. Режим доступа: http://antology.igrunov.ru/a_daniel.html (дата обращения: 24.05.2021).

[13] См. например: *Довлатов С.* Компромисс. М. Азбука, 2015.

[14] Частный пример: Количество замечаний, сделанных органами цензуры по содержанию контролируемых материалов, выросло с 467 в 1957 г., до более чем 1700 в 1984-м. // См. *Горяева Т.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2009. С. 359.

[15] Хронология застоя трактуется по-разному исследователями и современниками эпохи. Мы исходим из предположения о том, что это период с первой половины 1970-х гг., когда сворачиваются запущенные во второй половине 1960-х реформы и происходит стагнация в большинстве сфер социального бытия, и до 1986 г., XXVII съезда КПСС, когда был дан старт масштабным изменениям в жизни страны.

[16] Возраст указан на момент интервью. Деление на возрастные группы здесь является условным и не является попыткой разделения интервьюируемых на поколения. Впрочем, это разделение в отдельных случаях показательно для исследователя.

[17] Под «нормальностью» мы в данном случае имеем в виду выражение А. Юрчака, который определяет его носителя как не являющегося советским активистом или диссидентом, вполне разделяющего официальный идеологический дискурс, но отчасти наделяющего его новыми смыслами // См. предисловие к кн. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не закончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 3.

[18] См. например: *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.

[19] См. например: *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не закончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

[20] Характерно, что культ этот описывался не только западными теоретиками тоталитаризма (З. Бжезинский и др.), но в советской науке, правда применительно к нацизму.

Библиография

Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. Т. 1. Рассказы участников и теоретические аспекты. М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005. Режим доступа: http://antology.igrunov.ru/stories/ (дата обращения: 25.01.2021).

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.

Боффа Дж. От СССР к России: История неоконченного кризиса. 1964-1994. М.: Международные отношения, 1996.

Горяева Т. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М.: Российская полит. энциклопедия, 2009.

Дённингхаус В., Савин А. И., Савина Т. В. Генеральный политрук: языковые особенности рабочих дневников Л. И. Брежнева // Идеи и идеалы. 2017. № 2 (32). DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.1-92-102

Левада Ю. Ищем человека: Социологические очерки. М.: Новое издательство, 2006.

Личность и массовая коммуникация. Тарту: ТГУ, 1969.

Массовая информация в советском промышленном городе / под ред. *Б. Грушина, Л. Оникова*. М.: Политиздат, 1980.

Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 189–190.

Печать СССР в 1980 году. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1981.

Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.

Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. М.: Открытое общество «Феникс», 1992.

Рис Н. Русские разговоры: культура и речевая повседневность эпохи Перестройки. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / под ред. *Ю. Левады*. М.: Интерцентр,1993.

Социология и пропаганда. М.: Наука, 1986.

Уледов А. К. Общественное мнение советского общества. М.: Соцэкгиз, 1963.

Фирсов Б. М. Телевидение глазами социолога. М.: Искусство, 1971.

Фирсов Б. М. Пути развития средств массовой коммуникации (Социологические наблюдения). М.: Наука, 1977.

Хелльбейк Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Шубин А. В. Парадоксы перестройки: Упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2005.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не закончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Notes

Arendt H. (1996) *Istoki totalitarizma* [Origins of Totalitarianism]. Moscow: TsentrKom Publ.

Chitatel' i gazeta: Itogi izucheniya chitatel'skoy auditorii tsentral'nykh gazet. Chitateli «Truda». Vyp. 1, 2 [The Reader and the Newspaper: Results of Studying the Readership of Central Newspapers. Trud Readers. Issues 1, 2] (1969) Moscow.

Daniel' Yu. (2005) Istoki i smysl sovetskogo Samizdata [Origins and Meaning of Soviet Samizdat]. In *Antologiya samizdata* [Samizdat Anthology]. Available at: http://antology.igrunov.ru/a_daniel.html (accessed: 24.05.2021).

Denningkhaus V., Savin A. I., Savina T. V. (2017) General'nyy politruk: yazykovye osobennosti rabochikh dnevnikov L. I. Brezhneva [General Political Instructor: Linguistic Features of L. I. Brezhnev's Working Diaries]. *Idei i idealy* 2 (32). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/generalnyy-politruk-yazykovye-osobennosti-rabochih-dnevnikov-l-i-brezhneva (accessed: 25.01.2021).

Dovlatov S. (2015) *Kompromiss* [The Compromise]. Moscow: Azbuka Publ.

Goryaeva T. (2009) *Politicheskaya tsenzura v SSSR. 1917–1991 gg.* [Political Censorship in the USSR. 1917–1991]. Moscow.

Istoki i smysl sovetskogo samizdata. Interv'yu s Yu. Danielem [Origins and Meaning of Soviet Samizdat. An Interview with A. Daniel] (2005) In V. Igrunova (ed.) *Antologiya samizdata* [Samizdat Anthology]. Moscow. Available at: http://antology.igrunov.ru/a_daniel.html (accessed: 25.01.2021).

Pechat' SSSR v 1980 godu. Statisticheskiy sbornik [The Press in the USSR in 1980. A Statistical Collection] (1981) Moscow.

Pikhoya R. G. (2000) *Sovetskiy Soyuz: istoriya vlasti. 1945–1991* [The Soviet Union: a History of Power. 1945–1991]. Novosibirsk.

Yurchak A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne zakonchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It Was for Ever Until It Was Over. The Last Soviet Generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.

7 pyatnits. Funktsionirovanie obshchestvennogo mneniya v usloviyakh goroda i deyatel'nost' gosudarstvennykh i obshchestvennykh institutov (programmy i dokumenty issledovaniya). Vyp. 1, 2 [7 Fridays. Operation of Public Opinion in an Urban Environment and the Activities of Governmental and Public Institutions (Research Programs and Documents). Issues 1,2] (1969) Moscow: SSA Publ.

References

Antologiya samizdata. Nepodtsenzurnaya literatura v SSSR. T. 1. Rasskazy uchastnikov i teoreticheskie aspekty [Samizdat Anthology. Uncensored Literature in the USSR. Vol. 1. Participants' Stories and Theoretical Aspects] (2005) Moscow: International Institute for Humanitarian and Political Studies Publ. Available at: http://antology.igrunov.ru/stories/ (accessed: 25.01.2021). (In Russian)

Arendt H. (1996) *Istoki totalitarizma* [Origins of Totalitarianism]. Moscow: TsentrKom Publ. (In Russian)

Boffa G. (1996) *Ot SSSR k Rossii: istoriya neokonchennogo krizisa. 1964-1994* [From the USSR to Russia: a History of the Unfinished Crisis. 1964-1994]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russian)

Firsov B. M. (1971) *Televidenie glazami sotsiologa* [Television Through the Eyes of a Sociologist]. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian)

Firsov B. M. (1977) *Puti razvitiya sredstv massovoy kommunikatsii (Sotsiol. nablyudeniya)* [Development of Mass Communication Media (Sociol. Observations)]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Goryaeva T. (2009) *Politicheskaya tsenzura v SSSR. 1917–1991 gg.* [Political Censorship in the USSR. 1917–1991]. Moscow: Rossiyskaya Polit. Entsiklopediya Publ. (In Russian)

Grushin B., Onikov L. (eds.) *Massovaya informatsiya v sovetskom promyshlennom gorode* [Mass Information in a Soviet Industrial City]. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian)

Denningkhaus V., Savin A. I., Savina T. V. (2017) General'nyy politruk: yazykovye osobennosti rabochikh dnevnikov L. I. Brezhneva [General Political Instructor: Linguistic Features of L.I. Brezhnev's Working Diaries]. *Idei i idealy* 2 (32). (In Russian)

Hellbeck J. (2017) *Revolyutsiya ot pervogo litsa: dnevniki stalinskoy epokhi* [Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)

Levada Yu. (2006) *Ishchem cheloveka: sotsiologicheskie ocherki* [In Search for a Man: Sociological Essays]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ. (In Russian)

Levada Yu. (ed.) (1993) *Sovetskiy prostoy chelovek: opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh* [A Soviet Common Man: the Experience of Social Profile at the Turn of the 90s]. Moscow: Intertsentr Publ. (In Russian)

Lichnost' i massovaya kommunikatsiya [Personality and Mass Communication] (1969) Tartu: TGU Publ. (In Russian)

Ovsepyan R. P. (1999) *Istoriya noveyshey otechestvennoy zhurnalistiki* [A History of Contemporary Russian Journalism]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ. Pp. 189–190. (In Russian)

Pechat' SSSR v 1980 godu. Statisticheskiy sbornik [The Press in the USSR in 1980. A Statistical Collection] (1981) Moscow: Finansy i statistika Publ. (In Russian)

Pikhoya R. G. (2000) *Sovetskiy Soyuz: istoriya vlasti. 1945-1991* [The Soviet Union: a History of Power. 1945–1991]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ. (In Russian)

Popper K. (1992) *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. V 2 t.* [Open Society and Its Enemies. In 2 vol.] Moscow: Otkrytoe obshchestvo «Feniks» Publ. (In Russian)

Ris N. (2005) *«Russkie razgovory: kul'tura i rechevaya povsednevnost' epokhi perestroyki»* [Russian Talk: Culture and Conversation During Perestroika]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)

Shubin A. V. (2005) *Paradoksy perestroyki: upushchennyy shans SSSR* [Paradoxes of Perestroika: the Missed Opportunity of the USSR]. Moscow: Veche Publ. (In Russian)

Sotsiologiya i propaganda [Sociology and Propaganda]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Uledov A. K. (1963) *Obshchestvennoe mnenie sovetskogo obshchestva* [Public Opinion of Soviet Society]. Moscow: Sotsekgiz Publ. (In Russian)

Yurchak A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne zakonchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It Was for Ever Until It Was Over. The Last Soviet Generation] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
26.02.2021